Красная пленка, черные очки и всевидящее око власти

Александра Сергеевна Архипова[1], [2], [3]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

Анна Андреевна Кирзюк[1], [2]

✉ kirzyuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4946-2148

[1] Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия, Москва
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Москва
[3] Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва

В статье исследуется происхождение легенды о существовании «красной пленки» и «инфракрасных очков», позволяющих видеть одетых людей обнаженными. Эта легенда была популярна среди школьников 1970–1980-х годов, но типологически похожие сюжеты появлялись и в других культурных контекстах и возрастных средах — в оккупированном Ираке и среди взрослых жителей позднего СССР. В разных контекстах сюжет о чудесном устройстве, позволяющем видеть через одежду, артикулирует одно и то же чувство — ощущение беспомощности перед лицом «сильного» (будь то сотрудник КГБ или иностранец из более развитой страны). Опираясь на идеи Фуко, авторы приходят к выводу, что детский позднесоветский сюжет о «красной пленке» происходит из взрослых представлений о способности власти вторгаться в приватное пространство граждан. Игра в получение/лишение власти является ответом на невозможность сделать тоже самое во взрослой жизни, в которой советские граждане (или поколение их родителей) не могут, по их ощущениям, избежать «всевидящего ока власти». Символическим выражением этих представлений стала способность «красной пленки» ставить людей в положение «незащищенной видимости». В то же время пленка позволяла своему «обладателю» (то есть потенциально любому члену детского коллектива) преодолеть страх оказаться в таком положении и самому стать «властью».

Ключевые слова: городская легенда, «красная пленка», Мишель Фуко, социальные страхи, власть, фольклорная компенсация

Для цитирования статьи:
Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2018). Красная пленка, черные очки и всевидящее око власти. *Фольклор и антропология города*, *I*(1), 130–152.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068 «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе») при Московской высшей школе социальных и экономических наук.

Мы благодарим Александра Панченко, Габриэля Суперфина, Иосифа Зислина, Дмитрия Козлова и Брайана Чапмана за обсуждение статьи и за указания на ценные источники. Мы признательны участникам семинара «Литература и антропология» (Пушкинский дом, СПб), вечернего семинара Центра типологии и семиотики фольклора (Москва) за обсуждение нашего исследования, а также всем нашим информантам за прекрасные истории, которыми они с нами поделились.

Red film, black glasses and the authority's all-seeing eye

Aleksandra S. Arkhipova[1], [2], [3]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

Anna A. Kirzyuk[1], [2]

✉ kirzyuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4946-2148

[1] Moscow School of Social and Economic Sciences, Russia, Moscow
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow
[3] Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

The paper dwells upon the origins of the legend of "red film" and "infrared glasses" that allow to see people naked through their clothes. This legend was popular among Soviet schoolchildren in the 1970–80s, but similar stories also appeared in other cultural contexts and in other age-related environment — in occupied Iraq and among adult Soviet citizens. In different contexts, the story about a seeing-through-clothes device articulates the same feeling — helplessness in front of the "powerful" (whether it be a KGB officer or a stranger from a more developed country). Relying on Michel Foucault`s ideas, the authors come to the conclusion that the children's "red film" story is a result of adults' ideas of the authorities' ability to intrude into the privacy of citizens. While Soviet adults (the parents' generation) feel that they cannot escape the "all-seeing eye of the authorities", the children react to that with the game of gaining/losing power, impossible in a life of a grown-up. The ability of "red film" to set people in the position of "unprotected visibility" became the symbolic expression of these ideas and fears. In the same time the magic film allowed its "owner" (i. e. potentially any member of the group) to overcome the fear of becoming the victim and to be "the authorities" himself.

Keywords: urban legend, "red film", Michel Foucault, social fears, authority, folklore compensation

To cite this article:
Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2018). Red film, black glasses and the all-seeing eye of the authorities. *Urban Folklore & Anthropology*, *I*(1), 130–152. (In Russian).

Представители «последнего советского поколения», чье детство пришлось на конец 1970-х — 1980-е годы, помнят множество историй об опасных вещах, среди которых есть рассказы об отравленных джинсах, о жвачках с иголками, о зараженном стакане из автомата с газировкой, о машине, похищающей детей[1]. Однако еще чаще это поколение вспоминает историю о красной пленке или красных очках — чудесном устройстве, будто бы привезенном из-за границы или изобретенном спецслужбами, которое позволяет видеть людей обнаженными сквозь одежду:

> У нас в классе седьмом был краснопленочный бум. Мальчики с папиными фотоаппаратами «Зенит», «Киев» и «Смена» подстерегали девочек на переменках и фотографировали с криком: «Все, ты на красной пленке». Или: «Все будут знать какие у тебя трусы и какого размера грудь!» Девчонки визжали и прикрывали руками все сокрытое за шерстяной школьной формой и передником. Мы в это верили[2].

[1] См. подробнее о происхождении и функции таких легенд [Кирзюк 2017; Архипова, Кирзюк, Титков 2017].

[2] https://bozi.livejournal.com/103640.html

Популярность этого сюжета можно измерить. Мы проводили опрос среди 292-х бывших советских горожан[3]. Оказалось, что 40% наших респондентов хорошо знакомы с сюжетом о красной пленке, тогда как, например, истории о страшной черной «Волге» слышали только 22% опрошенных, а об отравленных джинсах еще меньше — 18%. Оказывается, что эта нелепая на первый взгляд история среди «последнего советского поколения» была гораздо более известной, чем другие «страшилки». Если причина, как полагает Сергей Борисов — в простом стремлении к эротическим играм, свойственном детям пубертатного и предпубертатного возраста [Борисов 2008], то почему эти тексты распространяются именно в СССР конца 1970-х — начала 1980-х годов, а не раньше или позже?

В этой статье мы покажем, что кроме эротической подоплеки (которая, как мы покажем ниже, имела второстепенное значение), существовали другие, связанные с культурно-историческим контекстом, причины возникновения и популярности этого сюжета.

«Фольклорная артикуляция» и «компенсация»: механизмы функционирования городской легенды

История о «красной пленке» относится к тому типу текстов, которые сегодня называют «городскими» или «современными» легендами. Этим термином обозначается широкий круг неформульных фольклорных нарративов, претендующих на описание известной нам реальности:

> Легенды могут быть религиозными или светскими; они могут рассказывать о фантастических событиях и существах, как это делают мифы и сказки, или же о людях и событиях, которые кажутся вполне реальными. Но — и это очень важно — как бы ни были фантастичны персонажи и события, «сцена» всегда находится в мире, который нам знаком, и истории как будто сообщают нам информацию об этом мире [Bennett 2005: XI].

Как мы увидим дальше, сюжет о «красной пленке» бытовал среди советских школьников как «правдивый» и имеющий самое непосредственное отношение к их повседневной реальности; именно в этом качестве он был востребован и имел смысл.

Антропологи и фольклористы объясняют потребность социальной группы в распространении городских легенд как минимум двумя способами[4].

В первом случае исследователи считают, что легенда есть результат перевода на символический язык социальных проблем и вызванных ими коллективных эмоций. Этот механизм мы будем называть *фольклорной артикуляцией*. Типичный пример такой интерпретации — исследование Джоэля Беста и Джеральда Хориучи, которые изучали панические легенды об отравленных лакомствах, которыми будто бы угощают детей на Хэллоуин неизвестные злодеи. Согласно Бесту и Хариучи, чтобы понять причины популярности таких легенд (не имеющих под собой реальных оснований), необходимо

[3] Дистанционный опрос «Опасные советские вещи» проводился нами в июне 2016 года. Анкету, состоящую из 16 открытых вопросов, заполнили 292 респондента 1947–1994 годов рождения, в основном — жители больших городов.

[4] Подробнее о термине «городская легенда» и о способах интерпретации смотри в обзоре Анны Кирзюк в этом номере журнала — с. 20.

задаться вопросом о контексте: что волновало американцев в конце 1960-х — начале 1970-х годов, во время наибольшей распространенности легенды? И отвечают: в это время страна переживала непопулярную войну, происходили студенческие волнения, демонстрации и бунты в гетто, а еще американцы столкнулись с новыми молодежными субкультурами и проблемой наркомании. Неясная, но глубокая тревога за детей, которые могут погибнуть на войне, стать жертвами городской преступности или наркоманами, нашла выражение в нарративе об анонимных злодеях, отравляющих детские лакомства на Хэллоуин [Best, Horiuchi 1985].

Другой механизм функционирования городских легенд мы назовем *фольклорной компенсацией*. Согласно Алану Дандесу, универсальный механизм, ответственный за появление фольклорных текстов, действует так: «символический код обеспечивает благотворный перенос реальной проблемы на подмостки фантазии, где некоторая проблема может быть успешно разрешена» [Дандес 2003: 92]. Фольклорный текст может в символическом плане осуществлять желания, которые в реальной жизни не осуществимы и не одобряемы. Именно так Дандес объясняет популярность городской легенды «Украденная бабушка». В этой легенде семья отправляется на каникулы и берет с собой бабушку, которая в дороге умирает; семья отправляется обратно, чтобы похоронить тело дома, но в дороге труп загадочным образом исчезает. Дандес видит причину популярности этой легенды в том, что она реализует тайное желание молодых американцев избавиться от необходимости ухаживать сначала за живыми старшими родственниками, а затем хлопотать о похоронах мертвых [Dundes 1971][5].

Итак, если с помощью механизма *фольклорной артикуляции* социальная проблема проговаривается на языке легенды, то фольклорная *компенсация* предлагает ее символическое решение.

Мы рассмотрим культурные контексты, в которых распространялась легенда о «красной пленке», и покажем, что эта легенда — особый случай. Как будет показано дальше, один вариант легенды возникает в результате существования довольно специфических социальных фобий, которые он «проговаривает» на языке детской страшилки. Другой вариант истории о «красной пленке» позволяет преодолеть эти фобии, однако это преодоление происходит не в сюжете легенды (как это предполагает механизм фольклорной компенсации), а в самом акте ее исполнения. Поэтому сначала мы продемонстрируем, как возникающая в разных культурно-исторических контекстах специфическая фобия (боязнь взгляда чужого) приводит к появлению типологически схожих сюжетов об устройстве, способном видеть сквозь одежду; затем мы обсудим связь позднесоветской легенды о красной пленке с этой фобией.

Для настоящего исследования мы провели дистанционный опрос с жителями бывшего СССР с 1935 по 1985 год рождения[6] и записали более 30 интервью.

[5] Более сложный способ воздействия фольклора мы находим в концепции *проективной инверсии*. С ее помощью Дандес объясняет американский сюжет о том, будто бы черные подростки кастрировали в общественном туалете белого. Популярность этого слуха в конце 1960-х — начале 1970-х годов Дандес связывает с дискуссией о преодолении расовой сегрегации в школах. Он рассуждает так: исторически белые «кастрировали» черных, но легенда, выставляющая действительного агрессора в роли жертвы, позволяет белым избавиться от чувства вины за прошлое и оправдывать агрессивные действия в настоящем и будущем [Дандес 2003: 95–96].

[6] Общее количество респондентов: в опросе «Опасные советские вещи» 292 человека, а в опросе про Олимпиаду 1980 года — 143 человека.

Власть вооруженного взгляда

В известной работе Мишеля Фуко анализируется эффект бентамовского «Паноптикума», идеальной тюрьмы, устройство которой должно было привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости [Фуко 1999]. В тюрьме такого типа заключенный не знает, когда именно на него будет обращен взгляд надзирателя, но знает, что это может произойти в любую минуту, и поэтому вынужден всегда выполнять предписания администрации. Забегая вперед, заметим, что в аналогичном положении сознаваемой видимости оказывались советские школьники — одноклассники «владельца» красной пленки, не знающие, в какой именно момент их «сфотографируют», но понимающие, что это может случиться когда угодно, а потому пребывающие в постоянном страхе. Согласно Мишелю Фуко, именно такое состояние обеспечивает регулярное функционирование власти. Развивая идеи Фуко, Дэвид Лайон показывает, что практики надзора (и сопутствующие им ощущение поднадзорности) являются одной из центральных черт модерности, а развитие информационных технологий превращает современные развитые общества в «общества надзора» [Lyon 1994].

Для нас рассуждения Фуко важны постольку, поскольку они указывают на некоторые универсальные (по крайней мере, для истории Новейшего Времени) свойства власти и подчиненности. Уметь *видеть* других, оставаясь при этом невидимым, означает обладать властью, быть *видимым* — значит быть подвластным. Эта диспозиция сохраняется и тогда, когда положения сторон определяются не как «видеть» и «быть видимым», а как «видеть особым образом» и «быть безоружным против такого взгляда».

В первые годы существования фотографической камеры (и в Европе, и в тех обществах, куда она была импортирована позже) она воспринималась как *средство особого зрения*. Так, в Европе в конце XIX века и на Соломоновых островах в середине XX века фотографии приписывалась способность видеть и запечатлевать души мертвых, невидимые обычным, невооруженным взглядом [Wright 2008]. Колониальные власти в Африке успешно использовали такие представления местных жителей для того, чтобы внушить им чувство боязливого почтения [Behrend 2003].

В 1895 году Вильям Конрад Рентген открывает рентгеновские лучи. Уже через три года, в 1898 году, появляется одноминутный фильм Альберта Смита «Рентгеновские лучи», в котором рентгеновская камера направляется на парочку, целующуюся на лавочке. Влюбленные немедленно предстают перед публикой в виде двух скелетов: зрелище с одной стороны смешное, а с другой — пугающее. Если в этом коротком фильме автор еще не показывает, что рентгеновское излучение дает власть над персонажами, то на одной европейской открытке того же времени появляется герой (дьявол), который смотрит на людей с помощью камеры и высвечивает интимное. На другой открытке (выдержанной в красных тонах) мужчина с фотоаппаратом (или уже с рентгеновской камерой?) направляет объектив на бедра прилично одетой молодой девушки и видит нечто, скрытое от публики. Так в кинематографе начинает формироваться образ чудесного всевидящего устройства, показывающего скрываемую сущность.

Устройство, позволяющее видеть сквозь стены и одежды, многократно использовалось в кинематографе как шпионский реквизит. В 1965 году

выходит четвертый фильм из серии о Джеймсе Бонде «Шаровая молния» («Thunderball»), где супершпион пользуется инфракрасным фотоаппаратом, с помощью которого может фотографировать в полной темноте. Через 20 лет, в 1985 году, в фильме «Вид на убийство», агент 007 становится обладателем не громоздкого фотоаппарата, а темных очков, которые видят сквозь стены. Еще через 14 лет, в фильме «И целого мира мало» 1999 года, Бонд обзаводится другими рентгеновскими очками, позволяющими видеть сквозь одежду (герой демонстрирует это умение в знаменитой сцене в казино). Это уже практически наша «красная пленка».

Очки со встроенным рентгеновским фильтром фигурируют и в фантастических фильмах и книгах, где они оказываются инструментом, позволяющим видеть скрываемую от всех истину. В 1988 году выходит знаменитый фильм Джона Карпентера «Чужие среди нас». Там безработный герой находит ящик со странными черными очками. Надев их, он видит, что все социально успешные люди вокруг него — на самом деле жуткие инопланетяне, захватившие мир и заставляющие обычных людей подчиняться с помощью скрытых команд, «вшитых» в рекламу. Владение «черными рентгеновскими очками» дает герою власть над оккупантами.

Таким образом в период с 1960-х до 1990-х в западной массовой культуре утвердился образ чудесного устройства в виде очков или фотоаппарата, действующего по принципу рентгеновского аппарата[7]. Он не только открывает «суть» вещей и людей, но часто нарушает границы интимного и тем осуществляет насилие.

Из массовой культуры в фольклор стран Третьего мира

Перед нами — практически готовый сюжет для городской легенды: существует устройство, позволяющее видеть то, что видеть не разрешается. Однако образ такого воображаемого прибора — несмотря на то что он активно кочевал по страницам американских комиксов и сериалов и казался правдоподобным большому числу потребителей подобной продукции — в странах Северной Америки и Западной Европы не сформировал распространенного фольклорного сюжета. Изредка англоязычные интернет-пользователи обсуждают вероятность существования «инфракрасного фильтра» и «камеры ночного видения», которые будто бы позволяют видеть сквозь одежду[8], или же предполагают, что новый объектив «Canon» способен делать «обнаженные снимки»[9]. Однако мы не обнаружили массовых обсуждений этого сюжета. О незначительной распространенности сюжета свидетельствует также то, что он не зафиксирован в «Энциклопедии городских легенд» Яна Бранванда [Brunvand 2012]. Наиболее близкая к «красной пленке» легенда, зафиксированная Бранвандом, это «Filmed in the Act» — история о камерах, которые будто бы установлены в комнате отеля,

[7] Распространение этого образа в масскульте последовало за внедрением рентгеновских аппаратов в повседневную жизнь. Так, например, в 1920–1950-е годы и в советских, и в европейских магазинах для примерки обуви использовались «педоскопы» — аппараты, показывающие покупателям, как новая обувь сидит на ноге.

[8] http://msgboard.snopes.com/cgi-in/ultimatebb.cgi?ubb=next_topic;f=104;t=000236;go=newer

[9] https://www.hoax-slayer.net/pf-lens-see-through-clothing-camera-warning/
Аналогичные слухи по поводу одной из моделей камеры «Sony» зафиксированы в Эстонии в начале 2000-х [Kalmre 2007].

чтобы снимать, как занимаются сексом ничего не подозревающие постояльцы [Brunvand 2012: 235–236]. Близость этого сюжета к нашей легенде довольно относительна: в обоих случаях речь идет о нарушении приватности, однако в американском сюжете отсутствует чудесное устройство, позволяющее видеть сквозь одежду.

Слабое присутствие в англоязычном городском фольклоре выделяет наш сюжет среди прочих советских городских легенд, чьи аналоги — про отравленную пищу, про машины, крадущие детей — мы легко находим в других традициях. Например, сюжет о машине, крадущей детей, существовал в позднем СССР [Кирзюк 2017], в странах Латинской Америки, в Африке, в России, в Польше [Campion-Vincent 2005; Гренбецка 2013; Панченко 2014]. Слухи об отравленных яблоках и конфетах, которыми будто бы угощают детей на Хэллоуин, активно ходили по США в 1970–1980-е годы [Best, Horiuchi 1985] и в это же время существовали и в СССР [Архипова, Кирзюк, Титков 2017].

Совсем по-другому складывается судьба «прото-красной пленки» за пределами развитых капиталистических стран. История о нарушении приватности с помощью устройства, позволяющего видеть сквозь одежду, был очень распространен на территории СССР. Но кроме СССР, массовая «вспышка» слухов о специальном устройстве, позволяющем видеть сквозь одежду, возникает в Ираке среди местного населения с самого начала американской военной операции 2003 года. Однако эта версия сюжета имеет одно существенное отличие от советской.

«Черные очки» в Ираке и Афганистане: артикуляция чувств побежденных

Очевидцы американского вторжения в Ирак в 2003 году неоднократно описывали, как местные жители, потрясенные экипировкой армии США, воспринимали солнечные очки или (реже) очки для ночного видения американских военных как устройство, позволяющее видеть женщин сквозь одежду [Tierney 2003; Urban legends 2003]. Местные девушки, завидев солдата в солнечных очках, прикрывались и прятались [Pisik 2003; Hanley 2003][10], иракские мужчины в присутствии американских солдат закрывали женщин своим телом, чтобы спрятать от их взгляда чужаков [Kelly 2003]. Такое представление было очень устойчиво, к тому же его активно тиражировали местные газеты[11]. Попытки убедить иракцев в его ложности часто не имели успеха, несмотря на то что солдаты предлагали посмотреть в их очки представителям местной гражданской администрации и даже детям. Местные подростки, примерив американские солнечные очки и ничего особенного не увидев, все равно оставались убежденными в возможности американцев видеть сквозь одежду: дети считали, что рентген в очках «включается» посредством некоторой «кнопки», которую солдаты просто не хотят показывать, поэтому начинали крутить очки в руках в поисках этой кнопки и просить военных «включить» очки [Christenson 2004]. Аналогичные слухи об американских солдатах ходили в афганском Кандахаре, жители которого считали, что висящий над городом аэростат используется американскими военными для того, чтобы смотреть на женщин сквозь одежду и наблюдать за афганцами сквозь стены домов [Ward 2009].

[10] Благодарим Александра Панченко и Брайана Чапмена за указание на некоторые из этих источников.

[11] http://www.theage.com.au/articles/2003/08/08/1060145865140.html

Во многом этот сюжет основан на разрыве между уровнем технического воображения тех, *кто* рассказывает такие истории, и технической экипировкой тех, *о ком* они рассказываются. Иракцы не очень хорошо представляют, как устроены вещи, которыми пользуются чужаки. Багдадский студент, опасающийся рентгеновских свойств американских очков, говорит: «Я не знаю точно, какой там механизм, но мы знаем, что у американцев очень сложные технологии»[12] [Urban legends 2003]. Не только очки, но и форма американских солдат вызывало среди местного населения разнообразные толки. Например, говорят, будто бы в куртках, в шлемах или даже в нижнем белье военных спрятаны портативные кондиционеры — иначе местные жители не могут объяснить себе, как морпехи в полной экипировке выносят жару [Urban legends 2003].

Иракская и афганская версии легенды возникают при соблюдении двух условий: во-первых, в стране находится контингент чужой армии, и местные жители чувствуют себя оккупированными; во-вторых, техническое оснащение армии оккупантов намного превосходит технические возможности и познания местных жителей. Последнее условие ответственно за «реквизит» легенды (чудесные свойства приписываются незнакомым и непонятным устройствам), тогда как первое формирует ее сюжет.

И иракская, и афганская версии легенды обвиняли чужаков в использовании «рентгеновских очков» для разглядывания женщин, то есть в этически неприемлемых, «непристойных» действиях. Но за этим обвинением стоит другая, более глубоко спрятанная идея: женщину, которую одежда не может защитить от чужого взгляда, можно интерпретировать как символ страны, которую иракцы (или афганцы) не могут защитить от вторжения. Легенда о черных очках проговаривает ощущения унижения и бессилия, которые испытывали иракцы, оказавшись в данной ситуации. Эта история изображает «баланс власти», сложившийся между оккупантами и оккупированными: американцы в ней обладают способностью нарушать телесную приватность иракских женщин (то есть обладают властью), а иракские мужчины не могут им в этом помешать (то есть лишить их этой власти). Легенда о «черных очках» изображает эту печальную (для рассказчиков) ситуацию, ничего в ней не меняя. Ее функция заключается, в нашей терминологии, в *фольклорной артикуляции* дискомфортных коллективных чувств.

Советская жизнь под опасным взглядом иностранца

Если в Ираке и Афганистане местные женщины оказывались под недобрым взглядом солдат оккупационных войск, то в СССР в 60-е годы существовали легенды об опасном иностранце, который способен нанести советским людям репутационный ущерб, увидев нечто, не предназначенное для демонстрации. Одни сюжеты говорили об особых уловках, которые иностранец использует для проникновения в «нефасадную» советскую действительность; другие утверждали, что иностранцы использовали для этого специальную технику.

Историк Алексей Голубев справедливо замечает, что для советского человека взгляд иностранца выступал в качестве одной из микрооптик власти: он был способен дисциплинировать через аффекты гордости и стыда. Оказываясь

[12] Перевод цитаты сделан авторами статьи.

под этим взглядом, советский человек должен был представить себя и свою страну таким образом, чтобы испытывать «гордость» за нее [Голубев 2018]. Но при этом всегда существовала опасность испытать стыд, поскольку взгляд иностранца всегда мог выйти за установленные для него границы и увидеть нечто «позорящее нашу страну».

Мысль об опасности взгляда иностранца постоянно повторялась в советской пропаганде, особенно в 1960–1970-е годы. Авторы многочисленных брошюр по идеологическому воспитанию убеждали своих читателей, что в условиях «холодной войны» иностранцы склонны выискивать отрицательные явления в нашей жизни, чтобы потом «использовать этот «материал» для беззастенчивой клеветы на нашу страну, чтобы в извращенном виде изобразить жизнь советского народа» [Цыбов, Чистяков 1968: 153]. Чтобы избежать репутационных потерь, недоброжелательный и технически оснащенный взгляд иностранца следует контролировать. Авторы пропагандистской брошюры «Враг не достигнет цели» хвалят бдительность жителей города Пушкин, которые вовремя заметили и сдали в милицию американскую туристку, фотографирующую свалки [Лякин и др. 1963: 196]. Другой американский турист, также обезоруженный бдительными советскими гражданами, проявил нешуточную изобретательность в деле сбора материала для клеветы на нашу страну. Он не только фотографировал ветхие деревянные дома и кучи строительного мусора, но и снял очередь в кассу Ленинградской филармонии с такого ракурса, чтобы на фотографии она выглядела как очередь в соседний продуктовый магазин [Лякин и др. 1963: 77].

Сюжет про иностранного туриста, мечтающего опозорить советскую страну, не только встречался во множестве пропагандистских брошюр, но и изображался на плакатах. Например, на плакате Д. Обозненко «"Объективный" турист» 1958 года[13] нарисован иностранец, который клевещет на нашу страну с помощью фотографии:

> Прием используя привычный,
> Врет иностранец заграничный.
> Фотографирует помойку
> И выдает за нашу стройку. [Пострелова 1959: 14].

Тревога по поводу опасной «бесконтрольности» взгляда иностранца обуревала не только пропагандистов и сотрудников госбезопасности. Эта тревога стала причиной появления одной популярной советской легенды. Она появилась во второй половине 1950-х годов и рассказывала о приехавшем в СССР известном французском актере или певце, друге Советского Союза (назывались имена Жерара Филипа или Ива Монтана), который специально накупил нижнего женского белья в ГУМе, а затем, вернувшись на родину, показывал его друзьям или даже устроил выставку, чтобы другие французы могли посмеяться над убогостью советской моды и неизящностью русских женщин[14]. В некоторых версиях история обрастала подробностями: так, в одной версии Ив Монтан на экскурсии в ГУМе увидел советское нижнее белье, «долго удивлялся, как советские люди могут вообще размножаться, и увез образцы с собой» [Инф. 1]. В других вариантах триггером этого

[13] Спасибо Дмитрию Козлову за указание на источник.

[14] Сюжет про иностранца, выставляющего на всеобщее обозрение нижнее белье советских женщин, возможно, существовал и раньше. Так, в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» советские гражданки оказываются на улице в нижнем белье после «сеанса черной магии». Однако у Булгакова публичный позор женщин является наказанием за получение благ от дьявола, а не результатом желания иностранца «опозорить советскую страну».

действия послужил визит актрисы Симоны Синьоры в колхоз и общение с колхозницами [Инф. 2].

Эта история рассказывалась советскими женщинами иногда со смехом, но чаще — именно с обидой и со стыдом. Причем для некоторых эта легенда стала причиной нелюбви к Жерару Филипу: «С тех пор я перестала уважать этого актера», — написала одна читательница в газету «Советская Россия» [*Балашова* 2013, 1 августа]. Обида на Жерара Филипа проскальзывает и в другом рассказе:

> Когда мы всей семьей садились смотреть «Фанфана-Тюльпана», мою бабушку надо было долго уговаривать, а потом она сидела весь фильм с стиснутыми губами. Она обожала Жерара Филиппа, но была на него обижена, поскольку твердо знала, что он подлец, был приглашен в СССР, его так все ждали и восхищались, его повели на экскурсию в ГУМ, а он потом тайком скупил голубые и розовые женские трусы с начесом, привез их во Францию и устроил из них выставку. И все смотрели и смеялись над советскими женщинами! [Инф. 3]

Нам не удалось найти никакого подтверждения в русских или французских источниках тому, что Жерар Филип или Ив Монтан такую выставку действительно устраивали. Однако, поскольку эта история построена на одной из базовых советских фобий, очень многими — нашими информантами, журналистами, исследователями — она воспринималась и продолжает воспринимается как реальная. Именно в этом качестве ее приводит исследовательница советского нижнего белья Ольга Гурова, совершенно всерьез пытаясь выяснить, чем руководствовался французский актер, скупая нижнее белье в ГУМе. С ее точки зрения, причиной реального (!) поступка Жерара Филиппа стало удивление гигиеничностью и практичностью советских трусов [Гурова 2008: 77]. Удивительно, что ощущение стыда, которое манифестируется во многих рассказах, исследовательница совершенно не учитывает, как и обиду на актера.

Отметим, что история про французского актера, повествующая о событиях эпохи Оттепели, прекрасно известна людям, которые слышали ее гораздо позже — в 1970–1980-е годы или даже в постсоветское время. Долгая жизнь этого фольклорного сюжета говорит об устойчивости страхов, ответственных за его существование.

Сюжет о том, как высокомерный француз унизил советских женщин, распространялся также и в самиздате[15]. В тексте стихотворения (приписываемого Сергею Михалкову) упоминается недавний «фестиваль» (видимо, знаменитая «Неделя французского кино» 1955 года, куда приезжал Жерар Филип), поэтому скорее всего стихотворение возникает где-то во второй половине 50-х:

Но что же ты, вернувшись в свой Париж,
Что ты о нас, французик, говоришь?
Ты произнес о нас немало слов,
Ты приобрел коллекцию трусов.
Каких-то карт и платьев старомодных,
Шляп фетровых давно не модных.
Ты наших женщин высмеял, как мог,
Дав этим нам порядочный урок.
Что были сведения пусты,

[15] По сообщению Глеба Павловского, который видел ее в самиздате в 1970-х годах.

Что наши женщины толсты,
Что нет у нас красивых платьев,
Что все в зеленом ходят без изъятья,
Что и прически не на высоте,
Что, словом, женщины не те. [Деготь, Демиденко 2000: 93][16].

В этой истории, как нельзя лучше выражающей советскую озабоченность взглядом «западного другого», французский актер, красавец и любимец советских женщин, предает их. Как он это делает? Сначала он видит сам (ему показывают как близкому другу), а затем показывает всему миру нечто такое, что для иностранного взгляда не предназначается, нечто скрываемое и постыдное. Если в дискурсе политической пропаганды скрываемое — это очереди, свалки и ветхие дома, то в вернакулярной истории о французском актере — это некрасивое нижнее белье. Однако в обоих случаях взгляд иностранца потенциально опасен для репутации страны и ее жителей.

Советские люди под взглядом вражеского фотоаппарата: первая версия легенды о красной пленке

Герою известной песни Высоцкого «Опасаясь контрразведки...» шпиону Джону Ланкастеру не нужны сложные уловки с ракурсом съемки. Для очернения советской действительности у него есть специальное устройство, спрятанное в носу — «инфракрасный объектив» (отметим, что песня была написана в 1966 году — через год после появления фильма о Бонде и его инфракрасном фотоаппарате):

Джон Ланкастер в одиночку,
Преимущественно ночью,
Щелкал носом — в нем был спрятан
Инфракрасный объектив;
А потом в нормальном свете
Представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим,
Чем гордится коллектив.

Такая техническая оснащенность героя этой песни тоже не случайна. Советская пропаганда уверяла, что иностранцы, желающие «оклеветать» нашу страну, могут располагать сложной (для советского обывателя — прямо-таки диковинной) техникой. В политических брошюрах, рассказывающих о кознях агентов империалистических разведок, непременным атрибутом шпиона является особая техника. Назначение этой техники — помогать взгляду «шпиона» проникать в не предназначенные для него пространства: это фотоаппарат, который может оставаться незаметным, потому что у него микроскопические размеры или потому что он ловко замаскирован под не вызывающий подозрений предмет. Так, у одного агента, задержанного в ГДР, будто бы нашли «фотоаппарат, вмонтированный в фару мотоцикла» [Цыбов, Чистяков 1968: 108].

В советской художественной и пропагандистской литературе такая особая техника имела, как правило, иностранное происхождение. В детской повести

[16] Мы благодарим Габриэля Суперфина за указание на источник.

Василия Аксенова «Мой дедушка памятник» [Аксенов 1972], написанной в 1969 году,[17] герои попадают в Японию и среди реклам в Токио видят надпись «подводные зажигалки и инфракрасные очки». По дороге в Японию они в самолете смотрят, кстати, фильм с Бондом «Живешь только дважды». «Бондиана» не выходила в советский прокат, тем не менее сюжеты о Бонде с его шпионской экипировкой были широко известны — через цитаты, устные пересказы во дворе мальчишками, чьи родители рассказали фильм после закрытого просмотра, или даже через негативные рецензии в советской прессе [Чуксеев 1965].

По сообщению многих наших информантов, чье детство пришлось на 1960–1970-е годы, западная техника казалась им невероятно совершенной и «способной на все». Поэтому японские очки, позволяющие смотреть сквозь одежду, с точки зрения многих детей из «последнего советского поколения», были на Западе вполне распространенной вещью: «Помню истории про импортные (японские) очки, сквозь которые видно людей без одежды… Их используют шпионы или таможенники, но в Японии можно свободно купить в магазине и ходить по улице, разглядывая прохожих» [Инф. 4].

Представления об опасности взгляда иностранца, который нарушает границы приватного (в государственном или личном смысле) и часто использует для этого особую технику, приводит к формированию фольклорных нарративов. Первой версией легенды о красной пленке/красных очках стал рассказ об иностранце, который приезжает в СССР и фотографирует «на красную пленку» советских женщин, причем делает это специально, чтобы нанести стране репутационный ущерб. Пользователь «Живого журнала» с иронией вспоминает услышанную в детстве историю об одном таком иностранце:

> Заезжий негодяй использовал Красную Пленку для осуществления гнусных замыслов по компрометированию советских женщин! Он фотографировал советских девушек в купальниках на пляжах, а Красная Пленка потом отображала на негативе полную похабщину! И он потом все это безобразие распечатывал с негатива! Получалось на фото, что якобы в СССР и впрямь творится подобная гнусь прямо посреди города![18]

Подобные истории, по воспоминаниям того же пользователя «Живого журнала», объясняли, откуда берутся порнографические открытки, которыми иногда торговали в поездах: «...пляжи и места для загорания в летнее время в буквальном смысле кишели американскими и японскими шпионами. Они фотографировали мужчин и женщин на такую пленку, а потом через подставных фотографов продавали эту порнографию в поездах, нарочно чтобы скомпрометировать советский строй»[19].

Так же, как и история про французского актера, этот фольклорный сюжет отражает характерный советский страх перед взглядом иностранца. Она, как и иракская история о «черных очках», представляет собой пример фольклорной артикуляции — то есть выражает дискомфортные эмоции группы (страх перед взглядом иностранца), при этом не облегчая их, а выражая этот страх на языке легенды.

И в иракском, и в советском случае наделение чужака подобным устройством связано с осознанием его технического превосходства. И в советской,

[17] Благодарим Дмитрия Козлова за указание на источник.

[18] https://zhivoi.livejournal.com/291301.html

[19] Там же.

и в иракской версии опасность этого устройства заключается в том, что злонамеренный чужак с его помощью символически унижает не просто конкретного человека, но всю группу тех, кто находится в позиции «слабых». При этом в иракской версии американцы нарушают этическое и религиозное табу для собственного удовольствия, не имея никаких дополнительных мотиваций, а в советском варианте чужой делает это с намерением опозорить не конкретную женщину, а всю страну. В символическом смысле он «крадет» не обнаженность женщин, а нечто большее — гордость страны.

«Взлом приватности» по-советски: второй опасный взгляд

Основное чудесное свойство описанных выше воображаемых устройств — это видеть людей обнаженными сквозь одежду, то есть нарушать устанавливаемые каждым индивидом границы приватного, причем делать это в «одностороннем порядке», не спрашивая разрешения на вторжение. Помимо красной пленки и красных очков, позднесоветские городские легенды рассказывали и о других устройствах, наделенных аналогичными возможностями. Часто обладание этими устройствами приписывалось КГБ — что, несомненно, имело под собой вполне реальные основания. Многочисленные слухи и городские легенды, приписывающие этой организации исключительные возможности в сфере бесконтактного контроля над частной жизнью граждан («мы их не видим, а они наблюдают»), становятся актуальным в этот момент не случайно.

Во-первых, на протяжении 1960-х изменяются стандарты приватности, в частности, под влиянием массового жилищного строительства, для все большего количества горожан их квартира становится своей «маленькой крепостью», где можно вести пресловутые «кухонные разговоры»[20].

Во-вторых, в эпоху, предшествующую НТР, технологии полицейского контроля за гражданами были в основном «человеческими» (донос, слежка, провокация) и боялись, соответственно, именно их. В 1930–1950-е годы угроза со стороны власти адресовалась непосредственно телу: по малейшему обвинению человека арестовывали, пытали, быстро приговаривали к лагерному сроку или казнили. В сталинское время карательные органы применяли к гражданам прямое физическое насилие, опосредованное минимумом юридических процедур, что и отразилось в городском фольклоре того времени — например, в историях о том, что подвале здания НКВД установлена гигантская мясорубка, перемалывающая тела жертв, или о том, что в реку из этого здания по специальному желобу сливается кровь [Инф. 5]. Из технических атрибутов власти большой страх вызывали только машины соответствующих ведомств [Кирзюк 2017]. В 1960–1970-е годы фокус угрозы сменился, а процедура преследования усложнилась: у нее появились дополнительные звенья (например, профилактические беседы с сотрудником КГБ), включая разные виды технологического контроля (сбор «оперативных сведений» через прослушку и фотонаблюдение). Растиражированные образы таких полицейских и шпионских практик (в том числе через массовую

[20] Подробнее о деструкции «коммунального стиля» и приватизации пространства в 1960-е годы см.: [Лебина 2015: 44, 68].

культуру), конечно же, стали толчком к появлению слухов о суперприборах, с помощью которых можно проникнуть в приватную сферу человека без прямого контакта.

Боязнь реальных или вымышленных устройств, делающих проницаемым частное пространство, была особенно распространена среди людей, имевших основания опасаться политических преследований со стороны властей — в среде диссидентов или фрондирующей столичной интеллигенции. Наши московские информанты говорят не только о тотальной прослушке через телефоны, но и о существовании особых приборов, с помощью которых КГБ может прослушивать разговоры *сквозь* окна квартир, кодируя обратно в текст вибрацию оконного стекла, вызываемую человеческой речью, или просвечивать стены [Инф. 6]. Другой информант, представитель ленинградской интеллигенции, слышал, будто нельзя читать самиздатскую литературу на скамейке, потому что «все видят со спутника» [Инф. 7].

Анекдоты того времени тоже говорили о тотальности прослушки. «Товарищи, не гасите окурки в цветочных горшках — вы можете повредить микрофоны», — сообщает объявление в холле московской гостиницы в анекдоте [Мельниченко 2014: № 1670]. В то же время советская пропаганда утверждала, что такие приборы используют западные (прежде всего, американские) спецслужбы для слежки за собственными гражданами: «Агенты ФБР для обнаружения "неблагонадежных" широко используют телевизионные камеры, замаскированные фотоаппараты, электронное оборудование ‹…› электронные глаза и электронные уши тысячью различных способов используются для слежки за людьми» [Цыбов, Чистяков 1968: 108][21].

Страх перед устройствами, способными нарушить приватность, был свойственен не только критически настроенной интеллигенции и иногда не имел никакой связи с антисоветскими разговорами. Дети того времени думали, что приборами скрытого слежения оборудованы машины: «Поверье было у нас, что в фарах проезжающих машин вделаны фотоаппараты, чтобы фотографировать детей и потом красть. Какие страшные рожи мы корчили всем автомобилям, чтобы не дай бог, не признали нас на фото»[22]. Сохранялся этот страх довольно долго. В конце 1980-х ходили истории о том, что машины КГБ (это были черные «Волги» или «Чайки») оборудованы специальными приборами, позволяющими отслеживать, где смотрят запрещенные фильмы по видеомагнитофону, и препятствовать просмотру[23].

Представление о реальности подслушивающих и поглядывающих устройств привело к появлению целой серии «народных лайфхаков», помогающих избавиться от контроля: «Можно определить, прослушивается телефон, или нет. Есть какая-то комбинация цифр, которую можно набрать в каком-то районе. Например, набираешь 555, и если гудит занято, то значит, телефон на прослушке» [Инф. 8]. В Ленинграде говорили, что прослушку на телефоне можно отключить, набрав цифру «9» и зафиксировав диск в таком положении с помощью карандаша [Инф. 9].

Как следует из приведенных примеров, для носителей подобных представлений «прослушка» была фактом настолько реальным, что иногда они

[21] О том же самом можно прочитать в статье [Пелленк 1967].

[22] https://www.facebook.com/olga.tabu/posts/10203635998976515

[23] http://news.siteua.org/Мир/509012/ТОП_50_нелепых_городских_легенд_СССР

вступали в ироничную коммуникацию с незримым сотрудником КГБ. Одни извинялись за несдержанность: «Многие даже в трубку говорили "ребята, извините, не сдержался"» [Инф. 8]. Другие «передавали приветы»: «Родители оглядывались на вентиляционное окно на кухне, когда вели антисоветские разговоры. Все равно все говорили, но с такой идеей, что это записывается. И я говорила иногда специально на запись, приветы передавала» [Инф. 10]. Как показывают оба примера, люди не чувствовали себя в безопасности даже на собственной кухне, но все равно вели политические разговоры. Воображаемый диалог с сотрудником КГБ компенсировал психологический дискомфорт, «одомашнивая» угрозу. Актер Зиновий Гердт в своих воспоминаниях рассказывает о розыгрыше поэта Александра Галича, использовавшего этот же прием:

> Гнусные годы — 1951-й или 1952-й: погоня за космополитами, расшифровки псевдонимов, убийство Михоэлса. Жуть, в общем. И в это время мы оказались в одном ленинградском гостиничном номере — приехавшие из Москвы Утесов, Саша Галич и я ‹...›. Мы обнялись и сразу друг другу показываем: только тихо. К губам прижимается палец, губы безмолвно шевелятся... Через три минуты мы про все, естественно, забыли. И пошли самые жуткие антисоветские анекдоты. Хохочем, валяемся по диванам... И вдруг звонит телефон. Резкий такой звонок. Боже, пропали... Саша взял трубку, и я слышу — отбой, пи-пи... Галич между тем делает вид, что внимательно слушает, вставляет: «Хорошо... хорошо». Потом кладет трубку и произносит: «Просили подождать. Меняют бобину» [Гердт 2010].

Подобная же история становится сюжетом анекдота, популярного в 1960–1970-е годы:

> В купе едут четверо и рассказывают политические анекдоты. Один из рассказчиков решил подшутить немножко и напугать своих попутчиков. Выйдя из купе и подойдя к проводнице, он попросил через несколько минут принести четыре стакана чая. Вернувшись в купе, он обратился к своим попутчикам: «Вот мы рассказываем политические анекдоты, а нас подслушивают, оказывается. Не верите?» — Он поднял крышку нижнего сиденья и сказал: «Товарищ майор, дайте команду принести в пятое купе четыре стакана чая». Открывается дверь, и входит проводница с чаем. Трое попутчиков ошеломлены, перестали вообще разговаривать и быстро легли спать. Утром просыпается гражданин один в купе. Удивленный, подходит к проводнице и спрашивает: «А где мои попутчики, ведь им дальше меня ехать надо было?». Проводница отвечает: «Товарищу майору ваша шутка очень понравилась» [Мельниченко 2014: №1668а].

Герой рассказывает анекдоты в компании попутчиков и шутит о КГБ, которое слушает их разговор. Майору КГБ, который оказывается реальным слушателем, шутка нравится, и поэтому герой избегает участи своих собеседников, арестованных за обмен политическими анекдотами. «Мораль» анекдота такова: шутливый диалог с институтом власти оказывается единственным спасением в советском мире.

Кроме шутливых диалогов с воображаемым сотрудником КГБ, существовал и другой способ символического избавления от «незримого уха власти» — «компенсаторные» легенды о «кулибиных», которые сохраняют приватность и право выбора, изобретая в домашних условиях супертехнологию. Если устройства КГБ делали людей *видимыми* для власти, то такие «домашние» суперприборы, напротив, призваны помочь советскому человеку лучше *видеть* (или лучше *слышать*) *самому*. Изготовлялись они всегда из обычных вещей, которые теоретически были доступны каждому. Например, существовала история о «ртутной антенне», при помощи которой можно было ловить все западные радиостанции и телеканалы: «Говорили, что один

инженер целый год покупал в аптеках термометры, чтобы добывать из них по каплям ртуть, и спаял-таки эту супер-антенну. Настроил на западный порно-канал, на радостях пригласил соседа — а тот сдал его в КГБ»[24].

Сюжет наделяет властью: вторая версия легенды о «красной пленке»

Иностранец, проникающий в постыдные детали советского быта или делающий фотографии обнаженных советских женщин с помощью красной пленки, агенты КГБ, подслушивающие с помощью суперприборов — все эти сюжеты говорили: «Мы, советские люди, являемся объектом внешнего взгляда, который может нарушить нашу приватность». Однако в два последних советских десятилетия среди школьников распространяется сюжет о красной пленке или очках, с помощью которых можно видеть людей обнаженными. В этой новой версии легенды уже нет взгляда опасного иностранца. Носителем угрозы является не чужак, а «свой» — одноклассник, товарищ из соседнего дрова. Как и почему это происходит — мы разберем в этом разделе.

Школьники, чье детство пришлось на конец 1970-х — начало 1980-х годов[25], рассказывали друг другу о «красной пленке» не только как о некотором примечательном факте. Очень часто вера в ее существование давала «обладателю» пленки возможность действия — держать в страхе и шантажировать своих одноклассников и друзей. Иными словами, она давала ему власть:

> И вот как-то мне одноклассница сказала, что эту девочку мальчишки преследуют, «и они ее фотографировали на красную пленку». И теперь она такая — вся из себя заложница их злой воли: если будет себя как-то не так вести, то они ее фотографии покажут (кому покажут, не помню). Ужас был в том, что если есть что-то красное в одежде, то тогда на фото ты будешь выглядеть голым. А иногда пацаны нас пугали, мол, принесем фотоаппарат и всех вас на красную пленку снимем. Мы даже как-то так старались прикрываться, типа, мешком с обувью, чтобы если что — все прикрыто. Потому что красные галстуки у всех, так что все под угрозой[26] [Инф. 11].

Иногда знание о существовании красной пленки заставляло ребенка или подростка бояться любого фотоаппарата:

> Как-то мы с подругой пошли на школьную дискотеку. И в какой-то момент она меня одернула за рукав и сказала: «не танцуй пока, давай вообще отойдем в сторонку, видишь вон пацан с фотоаппаратом — он всех фотографирует». Я сказала что-то типа: «Ну и ладно, мы же ничего такого запрещенного не делаем, танцуем просто со всеми вместе». На что она ответила: «А вдруг у него так красная пленка?», я спросила, что еще за пленка, а она сказала: «Ты что, ничего не знаешь про красную пленку? На ней все голыми получаются при проявлении. Вот он сфотографирует тебя на красную пленку, и получится потом на фотографии, как будто ты голая танцуешь» [Инф. 12].

[24] https://from-ua.com/articles/268420-sekretnii-vodoprovod-i-drugie-sovetskie-baiki.html

[25] Иногда вера в ее существование сохранялась вплоть до студенческого возраста: «Есть специальная пленка, уверяли меня соседки по общежитию в Кирове, в 80-х, на нее фотографируют, а потом все там голые! На мои уверения, что такой пленки не существует, отвечали, что я могу всего и не знать» [Инф. 16].

[26] Представление о том, что именно одежда красного цвета делает человека особенно уязвимым перед всевидящим устройством, не является специфически советским. В 2004 году пользователи англоязычного месседж-борда «The Straight Dope» обсуждали, могут ли камеры, установленные в казино, видеть женщин обнаженными сквозь красные платья (https://boards.straightdope.com/sdmb/showthread.php?t=270887). Мы можем предположить, что появление подобных идей связано с семантикой красного цвета, который одновременно обозначает сексуальное желание (см. сноску 27) и сигнализирует об опасности.

Такой вид шантажа, основанный на слухах о «чудесном способе видеть через одежду», исследователь детской культуры Сергей Борисов относит к «эротически окрашенным практикам бесконтактного характера» [Борисов 2008: 174–175]. Однако на самом деле угрозы «снять на красную пленку» далеко не всегда происходили в ситуации, когда мальчик желал вступить с одноклассницами в вербальную эротическую игру. Хотя, конечно, красный цвет имеет определенные сексуальные коннотации[27], «красная пленка» часто имела другое назначение. «Обладатель» пленки мог «снимать» и людей своего пола, точнее, пол здесь был вообще не очень важен; важнее было поставить сверстников в положение *незащищенной видимости* и тем самым обрести власть над ними: «У нас во дворе одному мальчику родители подарили красную пленку, и он фотографировал людей, чтобы смотреть на них голыми. Не только женщин, но и простых парней вроде нас, поэтому все его боялись» [Инф. 13].

Назначение любого устройства по «взлому приватности» — наделять своего обладателя властью, вселяя страх в его друзей и недругов. Именно на этом свойстве «красной пленки» строится одноименный рассказ Михаила Елизарова из сборника 2005 года. Его герои, двое советских школьников, мечтают достать «красную пленку», чтобы выжить из класса «новенькую», нанеся ей непоправимый репутационный ущерб. Они считают, что волшебная пленка продается в Москве, в «одном-единственном магазине», и стоит 100 рублей. Нужная сумма копится долго, и в отсутствие «настоящей» красной пленки герои блефуют: «Антип принес из дома отцовскую “Смену”, я купил пленку для тренировочных снимков. Мы приходили по утрам в наш душный класс ‹…› Антип вытаскивал фотоаппарат, делал пальцем “щелк” и кричал: “Красная плёнка!”. Девчонки бежали врассыпную» [Елизаров 2005].

Наделяя способностью видеть скрытое, пленка ставила своего обладателя в доминирующую позицию, а того, кто оказывался в положении «быть видимым» — в подчиненную. Эту символическую власть, впрочем, можно было отобрать и присвоить себе. В воспоминании, приведенном ниже, мальчик Олег А. запугивает девочек угрозой снять на «красную пленку», но делает это до тех пор, пока девочки не догадываются сами притвориться обладателями такой пленки. Позиции враждующих сторон после этого меняются:

> Особенно усердствовал в этом деле [угроз снять на «красную пленку»] Олег А. ‹…› Он весело бегал с фотоаппаратом, сотрясал им, фотографировал нас сидящих на подоконнике, и клялся, что развесит «голые фотографии» (какой позор и ужас) на школьных стендах и вышлет соседям по почте. Таню С., которая ему нравилась, он довел до нервного стресса ‹…› Я убеждала Таню, что красной пленки быть не может. Не то, что я сразу была такая умная, я ее тоже боялась, еще как. Но я набралась смелости и спросила об этом феномене своего Женю, он долго смеялся. Танька же говорила, что «Женя не может знать все, а у Олега А. папа капитан дальнего плавания», это означало, что папа вполне мог снабдить сына такой диковинной штукой.
>
> Однако нужно было действовать. У меня была старенькая «Смена» ‹…› На перемене я нашла Олега А., курившего в арке, и с превеликим злорадством навела на него фотоаппарат. «Ну все, Олежка, я тебя «закраснила». Любопытные ощущения. ‹…› Глаза у меня блестели, фотоаппарат наводишь как ружье. Жертва явно нервничает. Жертва стояла в

[27] «Сексуальная» семантика красного была хорошо понятна не только взрослым, и детям. Так, по сообщению информанта 1977 г.р., его одноклассники считали, что «если девочка красит ногти красным, значит она взрослая во всех смыслах» [Инф. 14]. Другая наша собеседница в детстве наотрез отказывалась носить купленное ей красное пальто, потому что оно вызывало у сверстников эротические ассоциации — ей вслед кричали непристойный стишок: «Девочка в красном / Дай нам, несчастным / Много не просим / Палок по восемь» [Инф. 15].

> классической позе футболиста. Я его преследовала со всех боков. Потом получилось вообще некрасиво, прибежали девчонки, завалили Олега А. развели ему руки и я фотографировала его на пыли во всем великолепии. Потом он заплакал. Оказалось, что Олег А. свято верил в пленку. Просто думал, что у него ее нет, а у меня — явно есть ‹...› Больше он никого не фотографировал[28].

Приведенные примеры показывают, что теоретически каждый подросток мог присвоить себе власть над школьным или дворовым коллективом, объявив себя обладателем «красной пленки». Легенда из вербальной формы в данном случае превращается в перформативную. Когда мальчик или девочка кричат «красная пленка!» (иногда сопровождая свои слова имитацией процесса фотографирования), а их одноклассники тут же разбегаются в ужасе — это перформативное высказывание. Согласно концепции речевых актов Джона Остина [1999], перформативное высказывание представляет собой одновременно действие, меняющее поведение говорящих и их статусы. Выкрик «красная пленка» был способен моментально изменить существующую в группе властную диспозицию и тем самым наделить обладателя красной пленки властью.

Именно в этом заключается отличие позднесоветской школьной легенды от историй про американских солдат в Ираке, про иностранцев в СССР или представителей советских карательных органов. Функция тех легенд заключается в *артикуляции* дискомфортных чувств, которые рассказчики испытывали по отношению к внешним или внутренним врагам: униженное положение в настоящем или страх быть униженными в будущем кодируется через идею особой пленки/очков, которыми эти иностранцы/спецслужбы будто бы обладают. Советские школьники последнего советского поколения напрямую с таким страхом имели дело не всегда и не во всех семьях. Однако культурный опыт старшего поколения, с которыми подростки были знакомы по рассказам, делал истории о «красной пленке» крайне правдоподобными.

Поколение детей, пугающих друг друга красной пленкой, унаследовало представление о чужой (шпионы) и своей (КГБ) власти, которая способна нарушить приватность твой жизни и может контролировать каждый твой шаг с помощью всевидящих устройств. Мы ни в коем случае не утверждаем, что каждый советский ребенок, игравший в «обладание» волшебной пленкой, чувствовал страх перед КГБ. Он мог вообще очень смутно представлять себе значение этой аббревиатуры и никогда не задумываться о том, насколько защищено его приватное пространство. Мы предполагаем, что взрослый страх «быть видимым» и ощущение того, что любые стены, защищающие приватное пространство, проницаемы для власти, создали почву, на которой возник позднесоветский сюжет о «красной пленке»: если ты живешь с ощущением, что любая приватность хрупка, то существование прибора, позволяющего видеть сквозь одежду, не кажется принципиально невозможным. Именно поэтому такой сюжет и не получает массового распространения в культурах, где не существует страхов, связанных со «взломом приватности»[29].

Функционально-типологические аналоги «красной пленки» — воображаемые «технические новинки» из городских легенд о КГБ: сверхмощные

[28] https://bozi.livejournal.com/103640.html

[29] Следуя нашей логике, было бы естественно предположить, что сюжеты, подобные позднесоветской «красной пленке» существовали не только в СССР, но и в других странах соцлагеря. Обнаружение аналогов нашей «пленки», скажем, в ГДР, где граждане так же боялись слежки со стороны «Штази», стало бы весомым аргументом в пользу нашей гипотезы. К сожалению, у нас пока не было возможности заняться соответствующими разысканиями.

подслушивающие устройства, «локаторы видеомагнитофонов», аппараты, просвечивающие стены квартир и т. д. Один из записанных нами нарративов делает это функциональное сходство наглядным: красной пленке приписывается способность нарушать не только приватное пространство тела, но и «видеть» сквозь стены дома: «Говорили, что даже, когда ты находишься в квартире, то с помощью этой пленки тебя могут сфотографировать и увидеть "особым образом"» [Инф. 16].

Так рассказы о технических устройствах, следящих за людьми, проникают в детскую среду и поддерживают, а, возможно, и формируют легенду о красной пленке. Этот процесс не уникален. Таким же образом страх перед черной машиной карательных органов («черным вороном», «черной Марусей», «машиной Берии»), существовавший в 1930–1950-е годы среди взрослых советских граждан, в 1970–1980-е трансформировался в детский нарратив о страшных черных машинах, ворующих детей [Кирзюк 2017]. Разница между этими двумя легендами заключается в том, что «черная Волга» только артикулирует этот страх, а «красная пленка» дает рассказчику возможность компенсации за него (позволяет самому «стать властью» и пугать окружающих). Другими словами, детская версия «красной пленки» является *фольклорной компенсацией,* иногда перформативной: школьник, убедивший одноклассников в том, что он владеет красной пленкой, подчиняет их себе, перемещается из позиции тех, чья приватность находится под угрозой, в позицию «власти» и тем самым избавляется от дискомфортного чувства «незащищенной видимости».

Заключение

Массовая культура в 1960–1990-е годы тиражирует образ рентгеновских очков, позволяющих видеть сквозь одежду. Такой сюжет о всевидящем устройстве возникает и распространяется по крайней мере в трех социокультурных ситуациях — в оккупации, в ситуации зависимости от взгляда чужака и при политическом режиме, где армия или государство систематически нарушает приватность граждан.

В первом случае сюжет связан с техническим и позиционным превосходством оккупанта и символически отображает сложившуюся диспозицию власти (доминируют оккупанты, а оккупированные бессильны перед чужаком). Легенда становится *артикуляцией* чувств, которые испытывают по этому поводу местные жители.

Во втором случае сюжет появляется и функционирует как *артикуляция* тревоги по поводу репутационного ущерба, который способен нанести неконтролируемый взгляд чужака.

Во третьем случае нарратив поддерживается представлениями о том, что приватное пространство гражданина никогда полностью не защищено от посягательств государства. Поэтому детская история, возникающая в этой ситуации, функционирует как *фольклорная компенсанция* (причем она может выражаться перформативно): она позволяет рассказчику обратить ситуацию, где приватность каждого находится под потенциальной угрозой, в свою пользу.

Игра в получение/лишение власти является ответом на невозможность сделать тоже самое во взрослой жизни, в которой советские граждане (или поколение их родителей) не могут, по их ощущениям, избежать «всевидящего ока власти». Для потенциальной жертвы этого «всевидящего ока» страх контроля и страх быть видимым трансформируется в воображаемую способность видеть и контролировать самому и поэтому становится так популярен именно среди последнего советского поколения.

Список информантов

Инф. 1 — ж., 1981, Москва
Инф. 2 — ж., 1994, услышано от бабушки 80-ти лет, Москва
Инф. 3 — ж., 1976, Москва (самозапись)
Инф. 4 — м., 1979, Москва
Инф. 5 — м., 1955, Ленинград
Инф. 6 — ж., 1978, Москва
Инф. 7 — м., 1957, Ленинград
Инф. 8 — м., 1944, Москва
Инф. 9 — м., 1953, Ленинград
Инф. 10 — ж., 1973, Москва
Инф. 11 — ж., 1977, Москва
Инф. 12 — ж., 1981, Йошкар-Ола
Инф. 13 — м., 1979, Москва
Инф. 14 — м., 1977, Нижний Новгород
Инф. 15 — ж., 1982, Красноярский край
Инф. 16 — ж., 1955, Москва

Литература

Аксёнов, В. П. (1972). *Мой дедушка – памятник: Повесть об удивительных приключениях ленинградского пионера Геннадия Стратофонтова, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах*. М.: Дет. лит.

Архипова, А., Кирзюк, А., Титков, А. (2017). Чужие отравленные вещи. *Новое литературное обозрение, 143*(1), 154–166.

Балашова, З. (2013, 1 августа). А Вам не стыдно? Однажды я перестала уважать кумира [письмо в редакцию]. *Советская Россия*. Режим доступа: http://www.sovross.ru/articles/945/16010

Борисов, С. Б. (2008). *Энциклопедический словарь русского детства: В 2 т*. Шадринск: ШГПИ. Т. 1: А–Н.

Гердт, З. (2010). *Рыцарь совести*. М: Зебра, АСТ.

Голубев, А. (2018). Западный наблюдатель и западный взгляд в эффективном менеджменте советской субъективности. В А. Пинский (Ред.). *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985)*, 219–253. СПб.: Издательство Европейского университета.

Гренбецка, З. (2013). Черная «Волга» и голые негритянки: современные мифы, городские легенды и слухи о временах Польской Народной Республики. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2013*(3), 3–21.

Гурова, О. (2008). *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью*. М.: Новое лит. обозрение.

Дандес, А. (2003). Проекция в фольклоре. В защиту психоаналитической семиотики. В А. Дандес (Авт.), А. Архипова (Сост.). *Фольклор. Семиотика и/или психоанализ: Сборник статей*, 72–107. М.: Восточная литература.

Деготь, Е., Демиденко, Ю. (2000). *Память тела: нижнее белье советской эпохи. Каталог выставки*. М.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

Елизаров, М. (2005). *Красная пленка: рассказы*. Москва: Ad Marginem.

Кирзюк, А. (2017). Три черных «Волги»: молчание и страх в советских городских легендах. *Новое литературное обозрение*, *143*(1), 167–177.

Лебина, Н. (2015). *Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград: 1950–1960-е годы*. СПб: Крига Победа.

Лякин, В., Петров, П., Рогов, К., Чурсинов, Н. (1963). *Враг не достигнет цели*. Л.: Лениздат.

Мельниченко, М. (2014). *Советский анекдот. Указатель сюжетов*. М.: Новое лит. обозрение.

Остин, Д. (1999). *Избранное: как производить действие при помощи слов*. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.

Панченко, А. (2014). «Спасибо за почку!»: Власть и потребление в organ theft legends. *Этнографическое обозрение, 2014*(6), 22–42.

Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.

Пелленк, П. (1967, 13 апреля). Личная жизнь под лучами рентгена. *Смена*, 4.

Пострелова, Т. (1959). *Выставка сатирических плакатов ленинградских художников «Боевой карандаш». Каталог*. Л.: Художник РСФСР.

Цыбов, С. И., Чистяков, Н. Ф. (1968). *Фронт тайной войны*. Изд-е 2-е, доп. М.: Изд-во Министерства Обороны СССР.

Чуксеев, В. (1965, 16 апреля). «Агент 007» продолжает убивать. *Смена*.

Behrend, H. (2003). Photo magic: Photographs in practices and healing and harming in East Africa. *Journal of Religion in Africa, 33*(2).

Bennet, G. (2005). *Bodies: Sex, violence, decease, and death in contemporary legend*. Jackson: University Press of Mississippi.

Best, J., Horiuchi, G. (1985). The razor blade in the apple: The social construction of urban legends. *Social Problems*, *32*(5), 488–499.

Brunvand, J. H. (2012). *Encyclopedia of urban legends*. 2th ed. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO.

Campion-Vincent, V. (2005). *Organ theft legends*. Jackson: University Press of Mississippi.

Christenson, J. (2004, 8 April). Iraq diary, part eight. *Lompoc Record*.

Dundes, A. (1971). On the psychology of legend. In W. Hand (Ed.) *American folk legend: A symposium*, 21–36. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press.

Hanley, C. J. (2003, May 1). U.S. Troops, religion a fiery mix in Iraq. *Kansas City Star*.

Kalmre, E. (2007, December). Two Legends from Estonia. *FOAFTALE News*, *2007*(69). Retrieved from http://www.folklore.ee/FOAFtale/ftn69.htm

Kelly, J. (2003, May 14). Psychological operations unit urges Iraqis to go back to work. U.S. specialists keep the natives informed. *Pittsburgh Post-Gazette*.

Lyon, D. (1994). *The electronic eye: The rise of surveillance society*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Tierney, J. (2003, 7 August). The rumor mill. G.I.'s Have X-Ray Vision. Of Course. *New York Times*. Retrieved from https://www.nytimes.com/2003/08/07/world/after-the-war-the-rumor-mill-gi-s-have-x-ray-vision-of-course.html

Pisik, B. (2003, June 9). Rumors become insidious in Iraq. *Washington Times*.

Ward, B. (2009, October 7). Giant blimp has Kandaharis on edge. *Calgary Gerald*. Retrieved from http://www.pressreader.com/canada/calgary-herald/20091009/281891589331109

Wright, C. (2008). "A devil's engine": Photography and spirits in the Western Solomon Islands. *Visual Anthropology: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology, 2008*(21), 364–380.

References

Aksyonov, V. P. (1972). *Moj dedushka – pamyatnik: Povest'* [My grandfather is a monument: Story]. Moscow: Detskaya literatura. (In Russian).

Arhipova, A., Kirzyuk, A., Titkov, A. (2017) Chuzhie otravlennye veshi [Poisoned Alien Things]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], *143*(1), 154–166. (In Russian).

Austin, J. L. (1999). *Selected Papers: How to do things with words* [Trans. from Austin, J. L. (1955/1962). How to do things with words. Oxford: Clarendon Press. Austin, J. L. (1962). Sens and sensibilia. Oxford, Oxford University Press]. Moscow: Idea-Press; House of intellectual books.

Balashova, Z. (2013, 1 August). A Vam ne stydno? Odnazhdy ya perestala uvazhat' kumira [Are you ashamed? How I ceased to respect my idol]. *Sovetskaya Rossiya*. Retrieved from http://www.sovross.ru/articles/945/16010 (In Russian).

Borisov, S. B. (2008). *Ènciklopedičeskij slovar' russkogo detstva: V dvuh tomah* [Encyclopedical dictionary of Russian childhood: in two volumes]. Šhadrinsk. T. 1: A–N. (In Russian).

Chukseev, V. (1965, 16 April). "Agent 007" prodolzhaet ubivat' ["Agent 007" proceeds to kill]. *Smena*. (In Russian).

Cybov, S. I., Chistyakov, N. F. (1968). *Front tajnoj vojny* [The front of secret war]. Moscow: Izdatelstvo Ministerstva Oborony. (In Russian).

Degot', E., Demidenko, Yu. (2000). *Pamyat' tela: nizhnee bel'e sovetskoj ehpohi. Katalog vystavki* [The memory of body: the Soviet underwear. Exhibition catalogue]. Moscow: State Museum of Saint-Petersboug`s history. (In Russian).

Dundes, A. (2003). Proekciâ v fol'klore. V zashitu psihoanaliticheskoj semiotiki [Trans. from Dundes, A. (1976). *Projection in Folklore: A Plea for Psychoanalytic Semiotics*]. In A. Dundes (Author), A. Arkhipova (Ed.). *Fol'klor: semiotika i/ili psiĥoanaliz* [Folklore, semiotics and psychoanalysis], 72–107. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Elizarov, M. (2005). *Krasnaya plenka: rasskazy* [Red film: Novels]. Moscow: Ad Marginem. (In Russian).

Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Trans. From Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir. Naissance de la prison*]. Moscow: Ad Marginem, 1999. (In Russian).

Gerdt, Z. (2010). *Rycar' sovesti* [A knight of conscience]. Moscow: Zebra, AST. (In Russian).

Golubev, A. (2008). Zapadnyj nablyudatel' i zapadnyj vglyad v ehffektivnom menezhmente sovetskoj sub"ektivnosti [The Western observer and Western perspective in the "effective management of Soviet subjectivity"]. In A. Pinskiy (Ed.). *Posle Stalina: pozdnesovetskaâ sub'ektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: the late Soviet subjectivity]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 219–253. (In Russian).

Grenbecka, Z. (2013). Chernaya "Volga" i golye negritânki: sovremennye mify, gorodskie legendy i sluhi o vremenah Pol'skoj Narodnoj Respubliki. [Black "Volga" and naked black women: urban legends and rumors about the times of Polish People's Republic]. *Labirint. Žurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labyrinth. Journal for Social and Humanitarian Studies], *2013*(3), 3–21.

Gurova, O. (2008). *Sovetskoe nizhnee bel'e: meždu ideologiej i povsednevnost'û*. [Soviet underwear: between ideology and everyday life] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kirzyuk, A. (2017). Tri chernyh "Volgi": molchanie i strah v sovetskih gorodskih legendah [Three black "Volgas": silence and fear in Soviet urban legends]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], *143*(1), 167–177. (In Russian).

Lebina, N. (2015). *Povsednevnost' èpohi kosmosa i kukuruzy: destrukciâ bol'šogo stilâ: Leningrad: 1950–1960-e gody* [Everyday life of the era of cosmos and corn: the destruction of the grand style: Leningrad, 1950–60s]. St. Petersburg: Kriga Pobeda. (In Russian).

Lyakin, V., Petrov, P., Rogov, K., Chursinov, N. (1963). *Vrag ne dostignet celi* [An enemy will not gain his point]. Leningrad: Lenizdat. (In Russian).

Melnichenko, M. (2014). *Sovetskij anekdot. Ukazatel' syuzhetov*. [The Soviet joke. Index]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Panchenko, A. (2014). "Spasibo za pochku!": Vlast' i potreblenie v organ theft legends ["Thanks for the kidney!": power and consumption in organ theft legends]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], *2014*(6), 22–42. (In Russian).

Pellenk, P. (1967, 13 April). Lichnaya zhizn' pod luchami rentgena [The private life under X-rays]. *Smena*. (In Russian).

Postrelova, T. A. (1959). Predislovie [Preface]. *Vystavka satiricheskih plakatov leningradskih hudozhnikov "Boevoj karandash". Katalog* [Exhibition of satirical posters by Leningrad artists "The Battle Pencil". Catalog]. Leningrad: Hudozhnik RSFSR. (In Russian).

Tierney, J. (2003, 7 August). The rumor mill. G.I.'s Have X-Ray Vision. Of Course. *New York Times*. Retrieved from https://www.nytimes.com/2003/08/07/world/after-the-war-the-rumor-mill-gi-s-have-x-ray-vision-of-course.html

Behrend, H. (2003). Photo magic: Photographs in practices and healing and harming in East Africa. *Journal of Religion in Africa, 33*(2).

Bennet, G. (2005). *Bodies: Sex, violence, decease, and death in contemporary legend*. Jackson: University Press of Mississippi.

Best, J., Horiuchi, G. (1985). The razor blade in the apple: The social construction of urban legends. *Social Problems*, *32*(5), 488–499.

Brunvand, J. H. (2012). *Encyclopedia of urban legends*. 2th ed. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO.

Campion-Vincent, V. (2005). *Organ theft legends*. Jackson: University Press of Mississippi.

Christenson, J. (2004, 8 April). Iraq diary, part eight. *Lompoc Record*.

Dundes, A. (1971). On the psychology of legend. In W. Hand (Ed.). *American folk legend: A symposium*, 21–36. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press.

Hanley, C. J. (2003, May 1). U.S. Troops, religion a fiery mix in Iraq. *Kansas City Star*.

Kalmre, E. (2007, December). Two Legends from Estonia. *FOAFTALE News*, *2007*(69). Retrieved from http://www.folklore.ee/FOAFtale/ftn69.htm

Kelly, J. (2003, May 14). Psychological operations unit urges Iraqis to go back to work. U.S. specialists keep the natives informed. *Pittsburgh Post-Gazette*.

Lyon, D. (1994). *The electronic eye: The rise of surveillance society*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Pisik, B. (2003, June 9). Rumors become insidious in Iraq. *Washington Times*.

Ward, B. (2009, October 7). Giant blimp has Kandaharis on edge. *Calgary Gerald*. Retrieved from http://www.pressreader.com/canada/calgary-herald/20091009/281891589331109

Wright, C. (2008). "A devil's engine": Photography and spirits in the Western Solomon Islands. *Visual Anthropology: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology, 2008*(21), 364–380.